

Хотя это была лишь инстинктивная реакция в момент паники, именно она спасла ей жизнь.

Камеры наблюдения показали: как только Сун Аньчэнь нажала на тормоз, автомобиль, предположительно принадлежавший похитителям, всё ещё прятался у самой кромки деревьев. Несколько человек вышли из машины и собирались броситься в погоню за Тань Сянси, но, увидев, что остановилась другая машина, они решили, что Тань Сянси сбили. Потоптавшись некоторое время в нерешительности, они поспешно запрыгнули в салон и скрылись.

Что же касается того, как именно была похищена Тань Сянси, которая должна была улететь за границу на сборы и выступления, это можно будет узнать, только когда она придет в себя.

Судя по текущим уликам и показаниям, это ДТП было чистой случайностью, и вины на Сун Аньчэнь, разумеется, нет.

— Однако дать показания всё же придется, — Сун Аньчэнь поменялась местами с Янь Гуйцю.
— Полиция сказала, что хотят задать несколько вопросов и тебе, так что я подожду тебя здесь.

Янь Гуйцю бросила взгляд на Сун Аньчэнь, затем на Цзян Сюэхэ и кивнула.

Как только Янь Гуйцю скрылась в коридоре, тишина стала давящей, а атмосфера — холодной. Сун Аньчэнь, которая приготовила кучу намеков и вопросов для прощупывания почвы, присев рядом с Цзян Сюэхэ, спустя долгое время смогла выдавить из себя лишь одну фразу:

— Сестра Сюэхэ, что вы думаете о Гуйцю?

— Интереснее, чем я предполагала, — ответила Цзян Сюэхэ.

Казалось, Цзян Сюэхэ действительно в хорошем настроении. Сун Аньчэнь редко видела, чтобы та была настолько увлечена беседой с кем-либо, поэтому, услышав ответ, она слегка выдохнула.

— Гуйцю не возвращается в этих кругах. Кроме учебы, у нее лишь хобби вроде фотографии или путешествий. Она даже в бары не ходит, поэтому иногда просто не понимает наших светских условностей. К тому же мы привыкли подшучивать друг над другом, и она ведет себя довольно непринужденно с теми, кто ей симпатичен. Надеюсь, вы не станете брать это на свой счет.

— Ну что вы, — Цзян Сюэхэ моргнула и слегка улыбнулась, и эта улыбка выглядела очень искренней. — Мне, наоборот, кажется, что между нами есть какая-то связь.

— Тогда... — Сун Аньчэнь колебалась, но в конце концов не выдержала и спросила: — Слышала, вы с Тань Сянси тоже довольно близки? Наверное, у вас хорошие отношения?

— Мы виделись лишь в детстве, когда жили по соседству, — холодно ответила Цзян Сюэхэ. — В обычной жизни мы почти не общаемся.

Только и всего.

Она могла сорваться с банкета, узнав, что Ся Яосинь болит живот, и лично отвезти ее в больницу.

Если бы на ее месте была Тань Сянси, она, скорее всего, просто поинтересовалась бы самочувствием и попросила кого-то другого отвезти ее.

— Вот как? — Сун Аньчэнь отнеслась к этому с сомнением. — А я думала...

— Что именно? — с легкой усмешкой спросила Цзян Сюэхэ. — Думала, что я буду тронута ее глубокими чувствами?

Сун Аньчэнь лишилась дара речи.

— Если не можешь чего-то дать, лучше сразу не подавать никаких надежд, — Цзян Сюэхэ помолчала и тихо добавила: — Так что не переживай.

Тань Сянси пролежала в больнице без сознания всю ночь.

Янь Гуйцю посреди ночи уезжала домой поспать несколько часов, но утром ее разбудил телефонный звонок: из больницы сообщили, что Тань Сянси необходимо пройти еще ряд обследований, и она вспомнила, что некоторые процедуры можно выполнить только днем.

Отец и мать Цинь как раз были в зарубежной командировке, связаться с ними удалось лишь под утро, и даже самый быстрый рейс вылетал только через десяток часов. Друзей у Тань Сянси было немного, однокурсники, с которыми она ехала, ворчали, что она сорвала им поездку, а преподаватель был задержан для допроса, так что провести ее было некому.

Поскольку при оформлении документов накануне были оставлены контакты Янь Гуйцю, все новости сообщали ей.

Янь Гуйцю потерла переносицу, в итоге согласилась, встала, умылась и начала собираться в больницу.

Сун Аньчэнь еще спала в гостевой комнате, и Янь Гуйцю решила ее не будить.

Если вдуматься, вся эта история началась из-за нее — пусть даже косвенно.

Помимо теории о сюжетной магии, Янь Гуйцю не могла найти другой причины, почему Тань Сянси так постоянно преследуют неудачи.

В этот раз, если бы Сун Аньчэнь нажала на газ хоть на секунду раньше, жизнь Тань Сянси могла бы оборваться.

Хлопот много, но, видя, как человек не владеет собственной судьбой, становилось даже жаль ее.

Янь Гуйцю вздохнула, осторожно закрыла дверь и внизу поймала такси до больницы.

Выйдя у входа в клинику, она случайно обернулась и замерла.

Неподалеку, со стороны парковки, шла Цзян Сюэхэ. Увидев Янь Гуйцю, она тоже на мгновение остановилась, удивившись, но тут же улыбнулась.

— Какое совпадение.

— Да, действительно, — Янь Гуйцю подождала ее и поздоровалась: — Доброе утро, сестра Сюэхэ. Вы приехали забрать Ся Яосинь?

— Доброе, — Цзян Сюэхэ кивнула. — Отель, в котором остановилась Сяо Ся, ближе всего к моему дому, так что мне по пути подвезти ее.

Когда она поравнялась с Янь Гуйцю, то на секунду замедлила шаг, едва заметно окинув ее взглядом, но ничего не сказала и вместе с ней вошла в больницу.

На третьем этаже, где находились палаты, они попрощались и разошлись.

Янь Гуйцю зашла в регистратуру, чтобы дооформить документы. Узнав от медсестры, что Тань Сянси еще не проснулась, она решила занести бумаги и результаты анализов прямо в палату.

К ночи родители Тань Сянси должны были приехать, так что это сэкономило бы время.

Янь Гуйцю не стала заказывать для Тань Сянси особый VIP-номер. Палата находилась в конце коридора, на три койки. Средняя была пуста — пациент выписался утром, а пожилой человек с койки у двери ушел погреться на солнце. Осталась лишь Тань Сянси, лежащая с закрытыми глазами.

Завтрак, принесенный сиделкой, стоял на тумбочке нетронутым и уже успел остыть.

Янь Гуйцю медленно подошла, положила отчеты на тумбочку, как вдруг рука, высунувшаяся из-под одеяла, крепко ухватила ее за запястье.

Она вздрогнула, обернулась и увидела, что Тань Сянси все еще щурится — явно не проснулась.

То ли во сне, то ли в бреду, Тань Сянси сжала запястье Янь Гуйцю и пробормотала чье-то имя:

— Сестричка А Хэ...

Янь Гуйцю замерла, а затем попыталась вырваться, но та, не приходя в сознание, лишь усилила хватку. На запястье остались красные следы, и Янь Гуйцю невольно нахмурилась.

Может, от резкого движения, но Тань Сянси медленно открыла глаза. Ее взгляд блуждал, пока наконец не сфокусировался на лице Янь Гуйцю.

Выражение ее лица мгновенно изменилось:

— Янь Гуйцю? Опять ты?

Голос после пробуждения был хриплым, но в нем отчетливо слышалась резкость. Первой реакцией Тань Сянси был испуг. Как только появились силы, она инстинктивно отпрянула и прикрыла грудь руками, словно опасаясь, что Янь Гуйцю задумала что-то дурное.

— Вот поэтому я и ненавижу видеть Тань Сянси.

У Янь Гуйцю непроизвольно дернулся глаз. Она дернула рукой:

— Отпусти.

Тань Сянси вздрогнула, поспешно убрала вторую руку, и ее спина в спешке ударилась о тумбочку. стакан с водой покачнулся и с грохотом упал на пол.

К счастью, он был пуст, покатился по полу и остановился лишь у ножки кровати.

— Я тоже не горю желанием тебя здесь видеть, но раз уж ты сама полезла под колеса машины моей подруги, я просто по пути доставила тебя в больницу. Если сможешь выписаться пораньше — буду только рада.

— Вот, — Янь Гуйцю потерла запястье и показала Тань Сянси бумаги. — О, кстати, насчет расходов на госпитализацию и обследования — будь добра, возмести. Наличными или переводом?

Тань Сянси говорила: я тебя не люблю, оставь надежду.

Тань Сянси говорила: не делай лишних движений, не мешай мне, я не хочу тебя видеть.

В оригинальном сюжете, когда Тань Сянси произносила эти слова, наполовину это был выплеск эмоций, наполовину — самолюбование своей преданностью Белому Свету.

А когда «запасной вариант» снова подкатывал, принося то, что ей нравится, она молча принимала это.

Когда она ссорилась с Белым Светом и у нее случался нервный срыв, первой реакцией был звонок «запасному», чтобы выплеснуть весь негатив.

Потому что она прекрасно знала: только «запасной» исполнит любой каприз. А привычка к вседозволенности приучила ее считать это должным.

Даже после перерождения, осознав ценность «запасного», в самом начале она все равно питала иллюзии насчет Белого Света, одновременно отвечая на чувства «запасного» и путаясь в отношениях с Белым Светом. Лишь когда та прямо выразила отвращение, она почувствовала холод, превратила любовь в ненависть и решила отомстить.

Но в реальности Янь Гуйцю и Тань Сянси были «незнакомы».

У Янь Гуйцю свой круг общения, у Тань Сянси — совсем другой. Если бы они случайно не проучились вместе десяток лет, они бы даже имен друг друга не вспомнили.

И вот, при такой отчужденности и несовместимости, их постоянно преследовали «случайные встречи», словно по велению судьбы.

После того как «героиня спасает красавицу» повторилось несколько раз, слухи о безответной любви Янь Гуйцю к Тань Сянси разрослись до такой степени, что в них поверила даже сама Тань Сянси.

Но эта «любовь» была настолько эфемерной, что у Тань Сянси вызывала лишь страх.

Представьте: одноклассница, которая никогда с вами не разговаривает, не потакает вашим капризам и никогда не говорила о симпатии, вдруг постоянно выскакивает из ниоткуда, чтобы спасти вас в опасный момент. Что бы вы подумали?

Тронулись бы до такой степени, чтобы отдать свое сердце?

У Тань Сянси таких мыслей не возникало.

Она чувствовала лишь беспокойство, панику и отвращение, что перерастало во враждебность и предвзятость.

Янь Гуйцю понимала ее чувства. До того как вспомнила сюжет, она сама испытывала нечто подобное, притом что именно она была той, кто «спасает красавицу», а Тань Сянси — жертвой сюжетных обстоятельств.

К тому времени, как Янь Гуйцю вспомнила всё, Тань Сянси уже наотрез отказывалась идти на контакт.

У Янь Гуйцю не было сердца святой, чтобы стараться ради человека, который ей неприятен, поэтому она просто старалась избегать встреч.

А что касается обвинений — она решила не спорить, учитывая, что Тань Сянси и так вечно не везет.

Это, в свою очередь, стало лишь очередным «доказательством» безответной любви Янь Гуйцю.

Янь Гуйцю давно привыкла к этим сплетням.

Если их нельзя остановить, остается лишь смириться: не обращаешь внимания — нет раздражения.

Но сейчас, слушая Тань Сянси, которая одновременно клеветала на нее и признавалась в любви к Цзян Сюэхэ, Янь Гуйцю почувствовала странное раздражение.

К чему этот спектакль с глубокими чувствами?

Столько лет твердила о своей любви, а за все годы, что Цзян Сюэхэ была за границей, ни разу не проявила беспокойства, не говоря уже о том, чтобы навестить ее.

Если бы она действительно так дорожила ею, то при характере Цзян Сюэхэ та не вела бы себя с ней как с чужим человеком, едва встретив в больнице, — она даже к Ся Яосинь относилась внимательнее.

...Ладно, к чему спорить с маленькой принцессой, которую родители вырастили в тепличных условиях?

Разум подсказывал Янь Гуйцю не вступать в пререкания, но, видя, как Тань Сянси не может остановиться в своем потоке слов, она не выдержала и криво усмехнулась:

— Да? А я тоже считаю, что сестра Сюэхэ замечательный человек.

Тань Сянси опешила. Это был первый раз, когда Янь Гуйцю поддержала ее слова. Она запнулась, прежде чем ответить:

— Конечно.

Янь Гуйцю продолжила:

— Я тут недавно глубоко задумалась и решила, что она идеально подходит на роль жены: красивая, нежная, талантливая. Кто же ее не полюбит?

Тань Сянси слегка покраснела.

Янь Гуйцю кивнула, подытоживая, и добавила с серьезным видом:

— Поэтому я решила: я буду добиваться ее!

Тань Сянси: ...?

— Ты... ты... — Тань Сянси заикалась, не в силах вымолвить ни слова. Неясно, от шока или от гнева, она вытаращила глаза на Янь Гуйцю, словно увидела привидение.

Янь Гуйцю почувствовала странное облегчение. Игнорируя ее ошарашенный вид, она приняла серьезный тон и объявила:

— Отныне мы — соперницы в любви.

Заметив, что Тань Сянси открыла рот, чтобы что-то сказать, Янь Гуйцю нахмурилась и добавила с самым важным видом:

— Прощу, относись к слову «соперница» с должным уважением!

— ...

Лицо Тань Сянси сменяло оттенки от синего до белого, она то открывала, то закрывала рот, но в итоге не смогла произнести ни звука.

В коридоре за дверью.

Ся Яосинь чувствовала, что атмосфера сейчас довольно неловкая.

Звуки из палаты были отчетливо слышны даже через дверь, особенно фраза Янь Гуйцю «я буду добиваться ее», от которой у Ся Яосинь по коже побежали мурашки.

Под любопытными взглядами окружающих Ся Яосинь вновь пожалела, что ей нечем было заняться, кроме как прийти навестить одну из участниц вчерашнего происшествия.

Цзян Сюэхэ, конечно, не стала ей отказывать — они пришли, чтобы навестить Тань Сянси и попутно извиниться перед Янь Гуйцю за недопонимание.

Кто же знал, что, не успев постучать, они услышат такой гром среди ясного неба?

Надо же было Янь Гуйцю придумать такое оправдание.

Ся Яосинь ни на секунду не поверила в слова Янь Гуйцю. В конце концов, они только вчера встретились, и даже для любви с первого взгляда такой прогресс — это слишком быстро. Раньше она никогда не слышала, чтобы Янь Гуйцю упоминала Цзян Сюэхэ, как и наоборот.

Более того, вчера на глазах у всех не могло произойти настолько глубокого общения, чтобы вызвать такие чувства, которые заставили бы симпатию взлететь ракетой в небеса.

Она предположила, что это лишь попытка заткнуть рот Тань Сянси.

Не говоря уже о самой Янь Гуйцю, после вчерашнего происшествия даже она сама начала

осознавать, что, возможно, зря поверила сплетням, и слова Тань Сянси казались ей несправедливыми.

В порыве чувств, от безысходности, использовать «клин клином» — это вполне можно понять.

Единственная неприятность заключалась в том, что они оказались под дверью как раз в тот момент, когда это происходило.

— Наверное, это просто шутка, — Ся Яосинь неловко улыбнулась, пытаясь сгладить ситуацию, и украдкой взглянула на лицо Цзян Сюэхэ.

Ожидаемого гнева не было.

Но еще больше Ся Яосинь удивило то, что Цзян Сюэхэ, кажется, улыбалась.

Это не была вежливая дежурная улыбка, с которой она обычно встречала гостей. Это выглядело так, будто ее что-то искренне позабавило.

Такое случалось редко. Не успела Ся Яосинь о чем-то подумать, как Цзян Сюэхэ, словно почувствовав ее неловкость и замешательство, повернулась и так же тихо сказала:

— Пойдем, я отвезу тебя домой.

Ся Яосинь инстинктивно обернулась — из палаты не доносилось никаких звуков — и поспешила следом за Цзян Сюэхэ.

Люди внутри не подозревали о том, кто проходил мимо. Тань Сянси была ошеломлена и не успела ничего обдумать. Янь Гуйцю нажала кнопку вызова, и вскоре пришла медсестра с документами, чтобы забрать Тань Сянси на обследования.

Хотя Янь Гуйцю была недовольна отношением Тань Сянси, та была совсем одна, поэтому Янь Гуйцю осталась ждать, пока та не пройдет все процедуры.

В ожидании последнего результата Янь Гуйцю сидела у регистратуры.

Медсестра, видевшая, как та всё утро бегала туда-сюда, не удержалась:

— Вы так добры к своей сестре.

Янь Гуйцю, занятая записями, улыбнулась и небрежно объяснила:

— Она не сестра, просто однокурсница. У ее семьи дела, приедут только вечером.

Медсестра еще больше удивилась:

— Однокурсница? Тогда вы действительно очень добры.

Янь Гуйцю лишь улыбнулась в ответ и добавила в список расходов еще одну строку:

«xx года xx месяца xx числа, услуги курьера: 500 юаней / полдня».

Когда все обследования закончились, уже перевалило за полдень. Тань Сянси пришла в себя и смогла поесть. Янь Гуйцю дождалась, пока та ляжет спать, приклеила счет к изголовью кровати и вышла.

Сун Аньчэнь звонила ей уже дважды. Янь Гуйцю ответила, только когда спустилась вниз:

— Скоро сама на такси вернусь. Обед еще не ела, сама приготовишь? Только не сожги кухню, это съемная квартира, не моя. Хорошо, куплю по пути в супермаркете. Минут через тридцать...

Положив трубку, она уже была у входа в больницу. Не успела она поймать такси, как услышала, что кто-то зовет ее по имени.

Обернувшись, она увидела Цзян Сюэхэ.

На парковке неподалеку Цзян Сюэхэ сидела в машине и махала ей через окно. Увидев, что Янь Гуйцю остановилась, она подъехала ближе.

— Подвезти?

Янь Гуйцю заглянула на заднее сиденье — никого не было, Ся Яосинь, вероятно, уже уехала.

— Сестра Сюэхэ, вы еще не уехали?

— Только что отвезла Сяо Ся, она собирается домой, а у меня как раз было свободное время, решила покататься.

И «покаталась» до больницы?

Янь Гуйцю приподняла бровь, проглотила вопрос и, поблагодарив, открыла дверь пассажирского сиденья:

— Тогда побеспокою вас, сестра Сюэхэ.

— Ничего страшного, мне по пути.

У выхода из больницы был перекресток. Загорелся красный свет, машина остановилась. Янь Гуйцю почувствовала, что Цзян Сюэхэ уже в третий раз переводит взгляд на какую-то часть ее одежды, и замерла на полпути, поправляя волосы.

— На мне что-то есть? — спросила Янь Гуйцю.

— Одежда, — после короткой паузы ответила Цзян Сюэхэ. — Кажется, у Аньчэнь есть такая же.

Янь Гуйцю замерла и посмотрела вниз.

Под низом был ее собственный белый свитер — она любила светлые тона и черно-белую гамму. Но верхнее пальто, яркое и увешанное аксессуарами, явно не было ее стилем.

Утром она так спешила, а на улице было холодно, что просто вытащила из чемодана первую попавшуюся теплую вещь. Теперь, оглянувшись, она поняла: это действительно была куртка Сун Аньчэнь.

Янь Гуйцю: ...

Вот это влипла.

Прежде всего, нельзя допустить мысли о «парных вещах».

— Это куртка Аньчэнь. Утром так спешила, что перепутала, — объяснила Янь Гуйцю.

— Вы живете вместе? — спросила Цзян Сюэхэ.

— Нет, просто недавно сняла квартиру. Они иногда приходят ко мне, и кое-какие вещи остаются у меня.

Девушки часто меняются одеждой, особенно Янь Гуйцю и Сун Аньчэнь: они выросли вместе, фигуры похожи, а живут рядом, так что они постоянно ходят друг к другу в гости, и вещей скапливается много.

Янь Гуйцю, продолжая говорить, наконец поняла, в чем суть.

— Когда они приходят, то останавливаются в гостевой, — добавила она. — Я только переехала, вещи еще не разобрала, впредь такого не повторится.

<http://bllate.org/book/19089/1874650>